

УЧИТЕЛЬ*

Теперь, когда два года отделяют нас от скорбной даты — кончины Николая Николаевича, острее чувствуешь, как невосполнима потеря этого замечательного ученого и человека. Для тех, кто имел счастье пользоваться его мудрыми советами и поддержкой, эта потеря ощущается каждодневно.

Вспоминая о Николае Николаевиче, невольно испытываешь чувство светлой благодарности и гордости за то, что судьба сделала нас его современниками. Нас — многочисленных его прямых и косвенных воспитанников, работающих в разных областях математики, физики, механики во многих городах мира. Он был моим учителем со студенческой скамьи, затем, после МГУ, почти четверть века нас связывала работа в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

Мы, его ученики младшего поколения, попали в орбиту Н. Н. Боголюбова, когда он был уже всемирно известным ученым; его окружал ореол заслуженного признания, который внушал мысль о недоступности.

Но его «недоступность» была, скорее, иллюзорной. Глубоко погруженный в ежедневный напряженный умственный труд (а Николай Николаевич работал очень много и буквально до последнего вдоха), он нечасто открывался собеседнику, умел внимательно выслушать, чаще молчал, но совершенно преобразался, если высказанная мысль казалась ему интересной, заслуживающей поддержки. Он никогда не говорил: «Это плохо, неправильно, неинтересно», но каждый, кто с ним работал, знал, что его молчание означает. . . Зато, если удавалось чем-нибудь удивить Н. Н. (так его любя называли ученики), он поражал стремительностью проникновения в самую суть проблемы, находил поразительные аналогии, буквально видел ответ уже тогда, когда задача, казалось бы, была еще только поставлена. Такая его реакция была не только лучшей оценкой идеи, но и, как правило, мощным толчком к решению проблемы. Часто на следующий день Н. Н. приносил стопку листков, аккуратно исписанных его четким и разборчивым некрупным почерком. Он любовно называл эти лист-

*Николай Николаевич Боголюбов: Математик, механик, физик. Сб. ст. / Под ред. П. Н. Боголюбова, В. Г. Кадышевского, А. Н. Сисакяна, Д. В. Ширкова. Дубна, 1994. С. 128–130.

ки «рукоделием». «А вот посмотрите, что у Вас должно получиться...» — говорил он своим бархатным голосом и с чуть заметной улыбкой затягивался очередной ароматной сигаретой.

Никогда не оставляли его равнодушным не только интересные научные идеи, но и людские нужды. Его не надо было упрашивать похлопотать о лечении больного (даже незнакомого ему человека), об оказании помощи нуждающимся... Но часто Николай Николаевич бывал очень грустным после очередного приема по личным вопросам, так как не все человеческие проблемы, к сожалению, оказывались подвластны даже его возможностям — человека доброжелательного, сильного, облеченного директорскими, академическими и депутатскими полномочиями.

Да, Н. Н. был доброжелателен и терпим к людям, но его можно было лишить равновесия, если ты опаздывал или не сдерживал данное ему слово. Сам он был весьма требовательным к себе.

Мне очень стыдно это вспоминать, но однажды я опоздал на встречу с ним на четверть часа. И хотя у меня было оправдание (время поездки по зимней дороге из Дубны в Москву было трудно рассчитать), разговора у нас с Н. Н. не получилось, он ничего не хотел слушать, был раздражен и сказал, что от меня он такого «кабака» не ожидал. «Кабак» — это было его редкое, но самое крепкое слово. Урок этот я запомнил на всю жизнь... .

Николай Николаевич не любил деклараций и нравочений. Своим доброжелательным отношением к окружающим, поистине христианской терпимостью, своим примером титанического трудолюбия, непоказной скромностью и, иногда, вовремя сказанным метким словом он влиял на людей. А благородное влияние это до сих пор ощущается и в Дубне, и в Стекловке*, и в Феофании**, и в других местах, где осталась частичка его богатой души.

А слово он чувствовал как никто другой. Н. Н. любил играть в слова, искусно прослеживая их трансформацию со временем при переходе из одного языка в другой. Он знал десятков языков. Если бы он не увлекся в юности математикой, наверное, он был бы талантливым лингвистом.

«Талант великой личности редко бывает направленным, он проявляется во всем». Это изречение я услышал давно, но прочувствовать его позволил мне лишь пример Николая Николаевича. Перелистывая страницы памяти, обнаруживаешь, что Н. Н. часто умел удивлять окружающих поистине внезапным и талантливым проникновением в неожиданную для него область... .

* Математический институт им. В. А. Стеклова.

** Киевский микрорайон, где расположен Институт теоретической физики НАН Украины, ныне носящий имя Н. Н. Боголюбова.

Приведу лишь один эпизод, безусловно, не самый яркий, но очень необычный.

Дело было в гостях на даче одного известного ученого, компания собралась преимущественно кавказская, напряженный день заканчивался восточным застольем. После очередного тоста хозяин стола вышел под звуки музыки на середину гостиной, вызывая Н. Н. на кавказский танец. Думаю, никто не мог вообразить, что семидесятилетний Боголюбов, не отличавшийся спортивной выправкой, усталый и никак не приспособленный к танцам, примет этот вызов. Но Николай Николаевич вдруг преобразился: он приподнялся на носках, выпрямился, красивые руки его приняли позицию кавказского танца, и он артистично пошел на партнера в ритме темпераментной музыки. И это было талантливо, красиво и неожиданно. Все гости буквально ахнули. А Н. Н. умело разыграл танец с кинжалом, и, когда естественная усталость подсказала ему, что нужно успокоить развеселившегося партнера, он занес воображаемый кинжал над «противником» и жестом, означающим победу, поставил точку в танце. . .

До этого момента я мог вообразить возможность проявления таланта Николая Николаевича, пожалуй, в любой области, кроме танца, но «. . . талант великой личности поистине проявляется во всем».

Труды, открытия и деяния Николая Николаевича остаются в нашей жизни, имя его принадлежит лучшим страницам истории российской интеллигенции. Но его характерные черты, улыбку, голос, умный и грустный его взгляд сохранит лишь память.

И трудно и легко писать эти строчки об учителе. Трудно, потому что жива в нас боль невозвратимости, потому что невольно думаешь, а как он посмотрел бы на все это. А Н. Н. очень не любил статьи и речи о себе. . . Легко, потому что согревает надежда: может быть, удастся этими страничками хоть немного донести до детей и внуков наших, поселить в их памяти характерные черточки его светлого образа.

Дубна, 1994 г.